

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ЛИТЕРАТУРАХ ВОСТОКА

Одной из наиболее существенных форм осмысления всемирно-исторической роли В. И. Ленина является художественная Лениниана, выражение образа В. И. Ленина в искусстве и литературе всех народов мира.

Советские востоковеды в течение ряда лет изучают ленинскую тему в литературах зарубежного Востока. В журнале «Народы Азии и Африки» в период 1958—1968 гг. была опубликована серия статей, анализирующих в этом аспекте следующие литературы: арабскую (Г. Ш. Шарбатов), индийские (Е. П. Чельшев), индонезийскую (В. В. Сикорский), китайскую (Л. Е. Черкасский), корейскую (Д. М. Усатов), монгольскую (Л. К. Герасимович), персидскую (В. Б. Кляшторина), турецкую (А. Бабаев) и японскую (Охара Коити). К столетней годовщине со дня рождения В. И. Ленина востоковеды подготовили сборник статей «В. И. Ленин и литературы стран Азии и Африки» (выходящий в 1970 г.), в котором исследована ленинская тема в литературах: японской (К. Рехо, А. Н. Мамонов), корейской (В. И. Иванова), китайской (Л. Е. Черкасский, М. Е. Шнейдер), вьетнамской (Н. И. Никулин), монгольской (К. Н. Яцковская), индийских (Е. П. Чельшев, А. С. Сухачев, Э. Н. Петруничева), непальской (Л. А. Аганина), персидской (Л. С. Комиссаров), турецкой (А. Бабаев), арабской (Г. Ш. Шарбатов), африканских (М. А. Курганцев).

В работах советских ученых явственно прослеживается, что в литературах зарубежного Востока художественное выражение образа Ленина имеет несколько ступеней.

Вначале образ В. И. Ленина художественно осмысливается на уровне мифологическом. Художественная фантастика, символизация образа В. И. Ленина характерны для первого, условно выражаясь, фольклорного этапа. Лишь постепенно литературы Востока поднимаются до того, чтобы изобразить в Ленине величие Человека. Подобное мифологизирующее изображение Горький отмечал как вообще свойственное фольклору. На Первом съезде писателей СССР он по этому поводу говорил: «Фольклор и в наши дни возвел Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею».

Великий индийский поэт Икбал, создавший одно из первых «восточных» стихотворений о Ленине, вначале также придерживался мифологического плана выражения. В своей поэме «Ленин» он изображал Ленина неким чудодейственным Вождем Революции, который обращается за помощью к символическому божеству, Творцу вселенной. Все стихотворение выдержано в условно-аллегорической форме.

В подобной же символически-аллего-

ческой форме изображали Ленина и пенджабский поэт Нариндер Пал Сингх в поэме «Моя вера», где имя Ленина поставлено в один ряд с мифическими образами Рамы и Кришны, и бенгальский поэт Вишну Де в стихотворении «Ленин», где гуманистическая сущность ленинских действий раскрывается через отождествление социальных процессов преобразования действительности с величественными явлениями природы, а Ленин назван «высочайшей вершиной Гималаев, возвышающейся над всей землей».

Так же рисовался образ Ленина и в арабской поэзии первых лет после Октября. «Ленин, ты символ, заря, ты — расцвет», — писал египетский поэт Наазир Хисами. Так же было и в монгольской, и в персидской поэзии: Ленин — солнце, Ленин — стихия, «заслуги Ленина — свет золотого солнца». Но это была только первая ступень. Затем писатели поднимаются к следующей ступени — к осознанию Ленина как реальной фигуры, как реального большого Человека, вождя.

«Первые певцы рабочего класса, творившие в 20-е и в начале 30-х годов в Китае, в условиях жесточайшего террора, — пишет советский синолог Л. Е. Черкасский, — такие, как Инь Фу и Ху Е-пинь, казненные гоминдановцами, рассказывали в волнующих строках о человеке, «которого страшились все богатые и знатные»; эти поэты никогда не прибегали к нарочитой гиперболичности, искусственности, помпезности, стремясь показать в Ленине органическое сочетание великого и простого».

У ленинградского театроведа Н. Зайцева в его книге «Правда и поэзия ленинского образа» (М. — Л., 1968) точно сформулирована мысль о том, что главное в изображении Ленина в театре состоит в переходе от изобразительного решения — к сопричастности (психологической, духовной) артиста образу Ленина. Именно подобная сопричастность и составляет суть новой ступени в изображении Ленина в литературах Востока.

Выдающийся японский писатель Рюноске Акутагава написал несколько стихотворений, посвященных В. И. Ленину. В одном из них он особенно ярко выразил подобное восприятие:

Ты порожден нашим Востоком...

Ты — один из нас, восточных людей,

Ты — один из нас, японцев,

Ты живешь и во мне.

Японец воспринимает Ленина японцем, кореец — корейцем, китаец — китайцем, араб — арабом. Так поэт чувствует Ленина в самом себе, и это осознание передает читателю.

Реалистическая изобразительность делает образ Ленина своим, родным для каждого трудящегося. Это прекрасно